

Р.М. ШАМИОНОВ

Педагогический институт Саратовского государственного университета

E-mail: shamionov@mail.ru

Раиль Мунирович Шамионов – доктор психологических наук, профессор, Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, заведующий кафедрой психологии образования. E-mail: shamionov@mail.ru.

Психологические аспекты социальных рисков и проблема субъективного благополучия личности

В статье анализируются психологические аспекты социальных рисков во взаимосвязи с проблемой субъективного благополучия личности и групп; раскрываются характеристики социализации личности с точки зрения риск-порождающего и риск-потенциального поведения; обсуждаются вопросы социальной активности личности с разным уровнем и содержанием субъективного благополучия.

Ключевые слова: личность, риск, субъективное благополучие, социализация, группа, этнос.

R.M. SHAMIONOV

Psychological Aspects of Social Risks and Problem of Subjective Well-being of the Person

This article analyzes the psychological dimensions of social risks in relation to the issue of the subjective well-being of the individual and groups. Reveals the characteristics of the socialization, that influence the behavior of the of risk-creating and risk potential. Discuss issues of the social activity of the person with a different level and content of the subjective well-being.

Key words: personality, risk, subjective well-being, socialization, group, ethnic group.

Анализ тех или иных социальных явлений сегодня требует, прежде всего, соотнесения их ближних или дальних эффектов с субъективным благополучием как инстанцией, отражающей их полезность или вредоносность для личности. Субъективное благополучие весьма чувствительно к происходящим в жизни человека

изменениям, поскольку они приводят к внутренней нестабильности. С другой стороны, определенный «запас» субъективного благополучия, основанного на ценностно-смысловых ориентациях и «норме» на нестабильность, может служить существенным фактором оценки происходящих событий и адекватных действий субъекта. Это в полной мере относится и к такому явлению, как социальный риск.

Проблема риска как характеристика поведения становится наиболее актуальной в современную эпоху развития человечества. Перманентные изменения не только внешних условий существования и реализации личности, но и (при их преломлении) внутренних социально-психологических, психофизиологических характеристик становятся существенным основанием последовательного поведения индивида. Оно может быть само охарактеризовано как рискованное (риск-порождающее), а также — как подверженное риску в смысле его реализации в рискогенной ситуации. С этой точки зрения весьма значимым обстоятельством выступают социальные риски, т.е. такие, которые обусловлены взаимодействиями личностей либо (и) порождены личностью (группами), либо (и) являются продуктами деятельности человека (группы), либо (и) характеризуют отношения между личностью и обществом. Отмечая междисциплинарный характер проблемы, мы остановимся на ее психологических аспектах.

Личность в процессе своей социализации усваивает нормы и ценности, которые, образуя внутреннюю инстанцию, постоянно «сталкиваются» с нормами и ценностями других. С одной стороны, они, обладая универсальностью и в некоторой степени — стабильностью, характеризуют личность как носителя общечеловеческих норм, с другой — образуют индивидуальные профили, предопределяющие специфику социального поведения конкретной личности. Социализированность личности предполагает ее социальную конгруэнтность (в этом отношении она выступает как часть социума со всеми его издержками, включая и исполнение требования соответствовать изменяющейся ситуации/ситуациям и принимать на себя ответственность за рискованные действия,

связанные с социальным самоутверждением) и личностную конгруэнтность, связанную с исполнением внутренних убеждений, обретением смысла своего существования и реализации субъектной позиции. В этом отношении действия социализированной личности обусловлены многими переменными, и их анализ невозможен без понимания всей истории (биографии) становления и существования личности. Речь идет не только об определенной эпохе или политическом устройстве общества, на фоне которых происходит этот процесс, но, прежде всего, тех взаимосвязях, которые образуются в результате «столкновения» с другими, тех сферах, где осуществляется социализация. Очевидно, что в обществе с высокой степенью нестабильности эти взаимосвязи имеют более сложный характер и вместе с тем «цена затрат» тоже более высока: между успехом и неуспехом возможен небольшой временной, но максимально высокий качественный лаг (как, например, между бедностью и богатством). По сути, благодаря социализации личности она оказывается способной на действия, характерные для проявлений личностного уровня субъектности, т.е. на основе норм, ценностей, установок, ролевых позиций и т.д., усвоенных в ее ходе, и тем самым — на действия, направленные на утверждение себя в обществе. Очевидно, чем более сильны противоречия, различия между статусными группами, в которые включена личность (экономический, политический, социальный статус и пр.), тем в большей степени это утверждение сопряжено с рисками (не только для конкретного человека, но и его окружения). Особенно важно отметить и то, что в процессе социализации личность обретает способность принимать решения на основе соотнесения процесса и результатов действий (поступка) с конфигурацией своих ценностных ориентаций. Здесь велика роль субъективной оценки как ситуации принятия решений, так и характеристик самих решений, включая возможные издержки, риски, связанные с их реализацией. На каждом этапе оценочной деятельности субъекта происходит (на основе рефлексии и формирования отношения к объекту) изменение качественных (когнитивных)

характеристик субъективного благополучия; эти изменения могут носить латентный характер до их «достаточного накопления» и нести в себе потенциал его усиления или снижения. Кроме того, наши исследования, выполненные ранее, доказывают, что способности к прогнозированию, коррекции, принятию решений и общая способность самоуправления тесно связаны с когнитивными компонентами субъективного благополучия¹.

В то же время необходимо выяснение вопроса о роли субъективного благополучия личности как регулятора ее социальной активности (направлений, интенсивности, рискованности) в соотношении с внешними (ожидания, требования, принуждения) и внутренними (потребности, отношения) инстанциями. Важной задачей остается и определение «координат» относительной и абсолютной неудовлетворенности и удовлетворенности, вследствие которых происходит качественный сдвиг уровня субъективного благополучия: она важна с точки зрения минимизации социальных рисков.

Личность человека, склонного к риску, характеризуется рядом свойств: к ним, например, относятся решительность, инициативность, азарт, склонность к преодолению социальных норм, зависть, эгоизм, экстернальный локус контроля и др., конфигурации ценностных ориентаций, в которых ценность риска имеет высокий статус, и т.д. Однако требует специального эмпирического изучения вопрос о соотношении характеристик личности, субъекта и рискованности. Правомерно предположить, что сами по себе отдельные характеристики не являются детерминантами рискованности, но определенные их соотношения могут быть сопряжены с рискованными поступками. Это относится и к социальным рискам – действиям личности или группы, которые могут нарушить их благополучие или других лиц.

Одним из существенных оснований социальных рисков выступает социальная конкуренция – феномен, характеризующий соперничество личности или группы с другими субъектами в различных сферах социального бытия. В этом отношении действия, рассчитанные на

возможный успех при высокой помеховлияющей составляющей (рискованные действия) становятся средством конкуренции. Между тем социальная конкуренция представляется социально одобряемой формой соперничества за наилучший способ (результат) самореализации личности (группы). Способность конкурировать, вступать в соперничество с другими выступает не только формой субъектной позиции, но и условием достижения социального успеха, программируемого всем процессом социализации. Однако речь в данном случае идет не о нанесении вреда «Другому» (что очень часто проявляется, например, в завистливом отношении к его успеху), а об ориентированности на собственные достижения, которая коренным образом отличается в виду того, что «Другой» выступает здесь инстанцией соперничества, своего рода критерием достижения (либо актуального, либо потенциального), а не объектом разрушения. Если говорить о социальных рисках в этой плоскости, то именно зависть является одним из наиболее худших сценариев развития событий. Иначе говоря, среди прочих эффектов принятия поведенческих решений зависть становится одним из деструктивных модусов бытия человека. Самореализация здесь сводится к реализации за счет другого, его принижения, разрушения достигнутого им. Нередки случаи, когда риск заключается и в том, что движение личности к цели не учитывает возможные последствия ее действий для других. Существующие (и интериоризированные личностью) социальные нормы нередко становятся в этом случае инстанциями снижения субъективного благополучия за счет проявления чувства вины в результате оценки достигнутого эффекта.

Отметим и то, что социальные риски во многом предопределены когнитивными способностями личности, а также ее эмоционально-волевой сферой и направленностью. Однако выбор в пользу стратегий – «все или ничего», «лучше меньше да лучше», «если не получится, хоть попробую» и т.п. зависит от эффектов социализации личности, усвоения тех моделей поведения, которые, по мнению субъекта, могут стать «проводниками» успешности. Понятно, что лица,

ориентированные на стремительный взлет, больше подвержены риску неудачи, чем те, чьи шаги к успеху отличаются продуманностью, планомерностью и не очень высокими притязаниями. Необходимо понимать, что многие социальные институты стимулируют потребности индивида, транслируют ценности быстрого достижения успеха, риска. Такая стратегия часто приводит к обратному: не имея иных вариантов, личность оказывается в ситуации «тупика конвергентности», т.е. совершает множество попыток достижения цели или движения к ней одним единственным способом; отсутствие вариативности, выбора в широком спектре решений в определенного рода ситуациях создает угрозу притязаниям, и риск возрастает.

Социальные риски могут быть связаны с неадекватностью личности как изменяющейся нормативной ситуации (ситуативный социальный риск), так и общественным нормам. Если ситуативный риск не имеет сильного общественного резонанса и в большей степени связан с судьбой конкретного человека (и, возможно, его ближайшего окружения), то риски неадекватности общественным нормам обладают более сильным общественным резонансом. Эта сфера рисков сегодня имеет особое значение с точки зрения социально-психологического анализа как факторов, так и оснований в виде эффектов социализации личности. Выход за пределы социальных норм как возможный вариант реализации поведения в последнее время становится достаточно распространенным в нашем обществе. Это связано со многими причинами, имеющими объективные и субъективные предпосылки (например, изменения социального устройства и сохраняющиеся правовые коллизии, проблемы формирования правовой культуры и правовой нигилизм, противоречия субкультурных норм, приоритет этих норм и пр.). Однако часто подобные риски связаны с групповым поведением личности, и обусловлены, прежде всего, пребыванием в группе: принятием групповых норм, ожиданий и в целом – с идентификацией личности и группы.

Социальные деструктивные группы (стабильные или ситуативные) объединяют лиц, имеющих определенную ценностно-смысловую структуру, подкрепленную идентификационными категориями, в которых достаточно четко «разведены» «свои» и «чужие». «Простая» категоризация в совокупности с эмоционально-оценочным отношением к факту принадлежности к группе может усиливать (или в некоторых случаях снижать) факторы риска в последовательном социальном поведении членов групп. Еще в начале 1990-х гг. Л.М. Попов, изучавший самодеятельность молодежных образований, пришел к выводу о том, что приобщение к романтике группировки осуществляется путем создания эффектов эмпатического плана, где на фоне эмоционального сопереживания создается ощущение «мы»². Кроме того, известны исследования, в которых установлены особенности поведения членов групп под влиянием обстоятельств их жизнедеятельности. Так, согласно экспериментам М. Шериф, соперничающие группы могут демонстрировать вражду, которая усиливается за счет общего неблагополучия (например, неуспеха в деятельности, недостижимого социального статуса, экономического неблагополучия и т.д.)³. Это особенно важно учесть при анализе социальных рисков, субъектами которых выступают те или иные группы или их представители. Вместе с тем характер поведения личности и группы, образующих рискогенную ситуацию, связанную с преодолением ими общественных норм, задается определенными предпосылками, среди которых важно выделить как назревающие и связанные с общественным настроением, ситуативные, так и личностные.

Еще один психологический аспект социальных рисков заключается в привнесении извне таких культурных феноменов, к которым не имеется готовых форм адаптации личности и групп. Такая ситуация актуализирует защитные формы реагирования (включая деструктивные). Однако столь же высока вероятность деструкций и в случае недостаточного владения групповой культурой – поверхностная социализированность и отсутствие крепких ментальных якорей

приводит к интолерантности (что, кстати, было показано в известном исследовании А.И. Донцова, Т.Г. Стефаненко, Ж.Т. Уталиевой в 1997 г.)⁴.

Многие социальные риски связаны с политико-экономическими решениями, не учитывающими культурные феномены. В этом отношении весьма примечательна мысль А.Л. Журавлева, согласно которой «значимые общественные трансформации могут осуществляться только с учетом ментальности людей», а попытки «изменить» менталитет приводят к весьма печальным последствиям, представляющим весомые социальные риски⁵. Фрустрированность на уровне личности может приводить к разным негативным последствиям, но то же самое происходит и на уровне больших групп. Поскольку поведение больших групп регулируется их социальной (общественной) психологией, такие социальные представления открывают путь к познанию и в некоторой степени – предсказанию поведения этих групп. Здесь важно учесть также и то обстоятельство, что рискованное действие личности в условиях объективных социальных рисков усиливает рискованность, которая будет относиться уже не к отдельной личности или сфере взаимодействия двух или более лиц, но и к более широким общностям.

Здесь уместно остановиться и на этнопсихологическом аспекте проблемы, поскольку этническая группа выступает не только консолидатором и основанием для идентичности личности, но и транслятором норм. Интенсивность принятия этнических норм (и, соответственно, их регулятивная роль) зависит от многих обстоятельств – начиная от статуса самой группы в обществе и этнического окружения и заканчивая социальным опытом личности, включая и опыт межэтнического взаимодействия. Не менее значимо объективное содержание норм, регулирующих межэтническое взаимодействие контактирующих этносов. Как сложившиеся на протяжении исторического времени, так и ситуативные, оперативно складывающиеся локальные нормы могут служить весомым фактором социальных рисков. Необходимо признать, что последние во многом

обусловлены складывающимися социальными, экономическими и политическими обстоятельствами и формирующимися на их основе социальными представлениями, которые сталкиваются с уже имеющимися социальными установками личности и групп. Между тем именно они часто становятся регуляторами социально рискованного поведения вплоть до его крайних форм – нанесения ущерба. В этом отношении субъективное экономическое, политическое, социальное неблагополучие отдельных лиц (и/или их объединений) может становиться катализатором социально неприемлемого поведения. Отсюда следует значимость экстраполяции исследований субъективного благополучия личности на иной уровень – группы. Критерии благополучия в разных группах могут в значительной степени различаться (не только относительно этнических норм, но и социально-статусных, профессиональных и др.), поэтому конкуренция разностатусных групп может не иметь объективных оснований, но обладать весомым субъективным началом: в этом случае другой группе приписываются те же критерии благополучия, что и своей, хотя объективно они могут быть совершенно различными. Это, например, относится и к «традиционному» критерию экономического благополучия в различных этнических группах, особенно не имеющих опыта длительного исторического взаимодействия. Таким образом, критическая масса контактирующих лиц с высоким уровнем субъективного неблагополучия в той или иной сфере создает значительную зону социальных рисков, обусловленных изменением направлений их социальной активности. Изучение ценностно-смысловых, нормативно-этнических оснований субъективного благополучия в соотнесении с нормой на риск (нормативный и ненормативный) в различных этнических группах представляется актуальной задачей современной социальной психологии.

Особое значение в обсуждаемом контексте имеет и собственный опыт индивида. Опыт прежних действий и их эффект являются той призмой, сквозь которую преломляется все, что образует перцептивное

поле субъекта; складывающиеся обстоятельства, в которых необходимо действовать, соотносятся (порой неосознаваемо) с прежними подобными. Отметим и то, что поскольку одним из эффектов социализации личности является ее склонность к использованию известных схем в принятии решений, опыт может по-разному детерминировать рискованное поведение: в одних случаях деструктивное, в других – конструктивное. В частности, личность, склонная к стереотипным и шаблонным действиям, может прибегать к известному, но не конструктивному способу действия, что приводит к запрограммированному неуспеху. При этом действия, связанные с избеганием риска, также могут содержать известную долю риска.

Известно, что «опыт побед» фиксирует определенные установки и связанные с ними эмоциональные состояния, которые становятся побудителями поиска возможностей достижения «победы». При этом образуется и норма на риск, которая, как правило, сопровождает всякую деятельность. Это ведет к тому, что многие риски либо принимаются как естественные издержки на пути к достижению, либо их значимость субъективно уменьшается: они менее весомы в сравнении с ожидаемым успешным результатом.

Таким образом, становление личностных детерминант рискованного поведения связано с процессом социализации и его эффектами. Однако для каждого конкретного случая проявления рискованности эта связь может быть специфичной. Кроме того, многие социальные (объективные) риски не квалифицируются их участниками как таковые, поэтому необходимо изучение ценностно-мотивационных оснований, а также характеристик общественных настроений соответствующих групп. Известно, что фрустрированность группы взаимодействующих лиц может приводить к действиям, связанным с социальными рисками и имеющим последствия для более широких общностей. В этом смысле одним из важнейших шагов для предупреждения социальных рисков является социально-психологический анализ больших социальных групп, а также мониторинг субкультур и отслеживание социально-

психологических состояний групп, психологическая экспертиза принимаемых решений, касающихся жизнедеятельности тех или иных групп населения.

Кроме того, необходимо различать конструктивные риски, благодаря которым возможен скачок в той или иной деятельности, приводящий к достижению цели и не связанный с возможным нанесением ущерба другим, и деструктивные, в основе которых – преодоление социальных норм или возможное нарушение своего благополучия или других лиц. Отметим, что субъективное благополучие личности, будучи динамичным образованием, может снижаться (повышаться) и в том, и в другом случае. Однако при деструктивных рисках ценностно-смысловая инстанция личности входит в диссонанс с общественными нормами, поэтому велика вероятность сужения субъективного благополучия и переоценка ценностей (отношений).

Особо отметим то, что в результате ряда исследований, в том числе и наших, было показано, что низкий уровень субъективного благополучия личности может становиться фактором социального риска в результате порождения активности (в случае, если субъекту удастся сохранить достаточный запас динамического равновесия, например, наличие компенсаторных возможностей для нивелирования неудовлетворенности одними сферами за счет других или изменения смысловой структуры) или отказа от нее. Активность может быть направлена на достижение субъективного благополучия за счет изменений образа жизни, достижений, самоизменений личности и за счет трансформации ценностей, благодаря чему возможны деструктивные действия, направленные на социальное окружение или саму личность. В этом отношении минимизация личных социальных рисков предполагает и анализ изменений всей ценностно-смысловой системы личности.

Таким образом, поведенческие эффекты субъективного благополучия (неблагополучия) обладают определенным риск-потенциалом на субъективном или объективном уровне. В то же время

социально рискованное поведение, обусловленное множеством социальных или психологических переменных (факторов), является существенным основанием изменений как локуса, так и уровня субъективного благополучия личности. Изучение социальной активности во взаимосвязи с субъективным благополучием личности позволит понять психологические основания рискованного поведения. Определение риск-потенциала личности, групп и его направленности выступает одной из важнейших задач современной социальной психологии как с позиции психологической помощи личности, так и психологического сопровождения (экспертизы) социально значимых решений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант № 11-06-00026 а).

Примечания

¹ См.: Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов, 2008.

² См.: Попов Л.М. Психология самодеятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1992.

³ Приводится по: Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация. М., 2000.

⁴ Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопр. психол. 1997. № 4. С. 75–86.

⁵ Какой должна быть модернизация в России // Психологическая газета : Мы и Мир. 2010. № 10 (170).